

В двадцать третьем веке Центральный Двенадцатый город, где я живу, был признан самым отвратительным городом всей Голубой планеты.

Результаты этого рейтинга были обнародованы в ноябре 2222 года в Центральном Первом городе, но до жителей Центрального Двенадцатого города они дошли лишь к январю 2223 года. Весь Двенадцатый город вскипел, люди грозились поднять восстание, дойти до Первого города, взять штурмом федеральную цитадель, конфисковать их имущество, отрубить им головы, трахнуть их омег и сжечь их дома.

Свой манифест они опубликовали восьмого января, а девятого января уже угодили за решетку. Приговор вынесли двенадцатого января.

Изначально это не имело ко мне никакого отношения — в конце концов, я законопослушная гражданка, преданная своей работе и профессии. После отчисления из техникума я закручивала винты на заводе и в цехе была известна как добродушный человек. Но вся штука в том, что их штаб-квартира находилась в квартире подо мной. Когда их арестовывали, я вышла вниз посмотреть на шумиху, меня схватили, увезли и посадили в камеру.

Я бесчисленное количество раз объясняла ситуацию офицеру Федеральной полиции, но в ответ слышала лишь одну фразу:

— Не волнуйтесь, мы все еще ведем расследование. Если вы не участвовали в мятеже, мы обязательно установим вашу невиновность.

Я смотрела на офицера. Он выглядел очень молодо, с алыми губами и белой кожей, и под моим пристальным взглядом ему стало даже неловко. Старший офицер рядом с ним подсказал ему вызвать следующего человека, и только тогда он опомнился. Когда меня уводили, я в последний раз бросила на него взгляд. На нем была серо-голубая форма, на стуле висел черный пиджак с золотой отделкой, а на пиджак был приколот полицейский значок.

Судя по полоскам и звездам на значке, можно было сказать, что он, должно быть, новичок.

У новичков — новые методы, у старожил — старые методы, а у меня — свои собственные методы.

Второй допрос был индивидуальным. Моя совершенно безмятежная внешность привлекла внимание сокамерника. Этот сокамерник, противнейший бета, попал ко мне, умел только злиться на меня. Каждый день он сидел в углу, мрачно наблюдая за всеми надзирателями, проходившими мимо камеры, и тихо ругаясь, — ну вылитый чихуахуа.

Но, к счастью, у чихуахуа интеллект невысок, и с ними легко справиться.

Сокамерник ворочался на койке, пока наконец не поднялся и не посмотрел на меня с

раздражением:

— Ты что, не боишься смерти? Ведешь себя так беззаботно!

Уже из того, что его посадили вместе со мной, нетрудно догадаться, что он, должно быть, был одним из тех арестованных. И судя по его одежде, он из относительно обеспеченной семьи, и в девяти случаях из десяти за него внесут залог. Поэтому его вопрос поставил меня в тупик.

Я удивилась и спросила в ответ:

— Если тебе страшно умереть, зачем ты тогда участвовал в этом бунте с остальными?

Он ответил:

— Я не думал, что все пойдет так далеко! Меня теперь наверняка отругают!

Я ахнула:

— Вау.

А я-то думала, он правда боится смерти, а он волнуется, что его отругают.

Впрочем, большинство участников этого дела, скорее всего, умрут, возможно, и я тоже.

Когда люди оказываются на грани смерти, их речи становятся добрее, поэтому я сказала ему:

— Не волнуйся, если мы выберемся отсюда живыми, я замолвлю за тебя словечко перед твоей семьей.

— Хм, с твоим-то положением? — он поднял подбородок, но тут же отвернулся. — Ладно, спасибо, но не надо.

Вау.

Какой цундэрэ.

Но мне такое не заходит.

Поэтому я отвела от него взгляд, ожидая вызова, и уставилась на железную решетку.

Но непонятно почему, как он сам вдруг начал раскрывать душу, словно запустил какую-то CG из отоме-игре*. Сквозь решетку окна падал солнечный свет, освещая его черные волосы, в карих глазах плескались какие-то чувства, а на красивом, но испачканном лице застыла серьезность.

П.п.: Специальные, часто особо красивые иллюстрации, открывающиеся по мере развития сюжета или отношений с персонажем в визуальных новеллах.

Он сказал:

— А я тебя не раздражаю?

Этот парень совершенно не владеет искусством речи.

Если уж так хочешь знать, разве не стоит спросить что-то вроде: «Было ли что-то, что доставляло тебе дискомфорт за эти дни из-за меня?».

Спрашивая напрямую, «раздражаю ли я», что я могу сказать? Только: «Нет, нет, ты прекрасен».

Поэтому я ответила:

— Хотя мы вместе всего несколько дней, я знаю, что ты просто немного избалованный. Но я могу это понять: у тебя хорошее происхождение, тебя многие любят и лелеют, так что вполне естественно стать немного эгоистичным. Я же с детства привыкла к бедности и даже завидую твоей избалованности, так что могу о тебе немного позаботиться.

Я подумала и добавила:

— Вообще, я даже надеюсь, что ты и после освобождения отсюда остался таким же избалованным.

Я, простолюдинка, не смогу проучить тебя, молодого господина, но вдруг ты нарвешься на кого-то покруче и тебя прибьют?

Видимо, мое выражение лица было слишком искренним, — его карие глаза на солнце были похожи на растаявшую карамель, которая сейчас, кажется, вот-вот начнет пузыриться.

Он сказал:

— Ты первая, кто пожелал, чтобы я не менялся.

Я сказала:

— Потому что я не считаю тебя обузой. Те люди, которые требуют от тебя измениться, возможно, не совсем искренни с тобой.

Он спросил:

— А ты зачем участвовала в мятеже?

Я не участвовала, чувак, меня втянули в это.

Но сейчас, когда атмосфера накалилась до предела, было бы неправильно не слепить образ страстной мятежницы.

Тогда я опустила ресницы, приняла печальное выражение лица, а затем подняла голову и одарила его твердым, решительным взглядом:

— Многие ненавидят Центральный Двенадцатый город. Как родная земля он принес нам слишком много бедствий: грязная окружающая среда, холодный климат, отсталые технологии и коррумпированные чиновники. Многие люди сбежали, но я не хотела этого делать, потому что знала, куда бы тело ни убежало, мой дух будет навсегда укоренен здесь. Неважно, если сопротивление не увенчается успехом, если будет первый раз, будет и бесчисленное количество раз. Можно пожертвовать жизнью ради одной искры.

Я подняла взгляд на решетку окна, мой голос был медленным и твердым.

Он явно был потрясен моей актерской игрой, его янтарные глаза заблестели:

— Ты...

— Номер тридцать четыре, Чэнь Чживэй! Номер тридцать четыре, Чэнь Чживэй!

Мой номер. Жаль, это очередь не на шведский стол с морепродуктами.

Я повернулась к бете, слегка улыбнулась и сказала:

— Мне пора. Надеюсь, я еще вернусь.

Он на мгновение застыл, а потом схватил мою руку и серьезно произнес:

— Ты обязательно вернешься.

<http://bllate.org/book/13204/1177386>